

ГОРБАТОВ ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ

*доктор психологических наук, доцент,
профессор кафедры прикладной социальной психологии и конфликтологии
Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы,
профессор кафедры менеджмента массовых коммуникаций
Санкт-Петербургского государственного университета,
gorbatov.rus@gmail.com*

DMITRIY S. GORBATOV

*D.Sc. (Psychology), Associate Professor,
Professor at the Department of Applied Social Psychology and Conflictology
of St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work,
Professor at the Department of Management in Mass Communications
of Saint Petersburg State University*

МИХАЙЛОВА ИРИНА ВЯЧЕСЛАВОВНА

*старший лаборант отдела образовательных программ,
Управление образовательных программ Санкт-Петербургского государственного университета,
i.mikhaylova@spbu.ru*

IRINA V. MIKHAILOVA

*Senior Laboratory Assistant at the Department of Educational Programmes
of the Office of Educational Programmes of Saint Petersburg State University*

УДК 316.454.3

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОСПРИЯТИЯ СОВРЕМЕННЫМИ
СТУДЕНТАМИ ТЕОРИИ ТОЛПЫ Г. ТАРДА¹**

**PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF PERCEPTION OF G. TARDE'S CROWD THEORY
AMONG CONTEMPORARY STUDENTS**

Аннотация. В статье противопоставляются два аспекта актуальности социальных теорий — научный и общественный. Констатируется, что парадигма «психологического контагия», рассматривавшая с конца XIX до середины XX века толпу как иррациональное и деструктивное образование, по мере развития социально-психологического знания утратила научную актуальность. Вместе с тем утверждается, что она многом сохранила актуальность общественную, так как по-прежнему способна снабжать заинтересованных лиц простыми, понятными, но при этом весьма примерными сведениями о психологической природе стихийных объединений. Описываются результаты экспертного опроса студентов по содержанию теории толпы, разработанной Тардом. Определяется совокупность ключевых положений, разделяемых современными студентами. Анализируются уточнения и критические замечания, высказанные респондентами в адрес составляющих этой теории. На материале результатов исследования постулируется ряд принципиальных различий между научной и общественной актуальностью социальной теории.

ABSTRACT. The article contrasts two aspects of the relevance of social theories — scientific and public. It is stated that the paradigm of «psychological contagion», which viewed the crowd as an irrational and destructive entity during the period from the late 19th throughout the middle of the 20th century, lost its scientific relevance due to the development of social and psychological knowledge. At the same time, it is asserted that in many respects it has preserved the public relevance, since it is still able to supply interested persons with simple, understandable, yet very exemplary, information about the psychological nature of the spontaneous associations. The results of

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 18-013-00302, «Толпа и личность: историко-психологическое исследование теорий XIX — начала XX вв.».

an expert survey among students (n = 33) on the contents of the crowd theory, developed by G. Tarde at the end of the 19th century, are described. Key provisions of G. Tarde's theory, shared by modern students, are defined. Special attention of respondents to the properties of the crowd and the processes of personality changes within is attributed to the fact that it is perceived as a source of double danger, acting as a subject, simultaneously, possible general aggression and possible personal disharmony among its members. The authors analyze the clarifications and criticisms voiced by the students about the constituents of G. Tarde's crowd theory. Based on the results, a number of fundamental differences between the scientific and public relevance of the social theory are postulated.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: толпа, теория толпы Тарда, критика теорий толпы, «психологический контагий», восприятие современными студентами, научная и общественная актуальность.

KEYWORDS: crowd, crowd theories, G. Tarde's crowd theory, criticism of the crowd theories, «psychological contagion», contemporary students' perception, scientific relevance, public relevance.

Выдающийся французский социальный психолог, философ и криминолог, основоположник субъективно-психологического направления в социологии Жан-Габриэль де Тард (1843–1904) знаменит как создатель одной из первых теорий стихийных объединений. Данной проблематике он посвятил три работы, быстро получившие общеевропейскую известность. Первая из них, подготовленная на основе доклада, сделанного на Третьем международном конгрессе криминальной антропологии (Брюссель, август 1892 года), была опубликована под названием «Преступления толпы» [11]. Позже он дополнил свои размышления этюдами «Толпы и преступные секты» (декабрь 1893 года) и «Публика и толпа» (июль 1898 года), вошедшими в книгу «Общественное мнение и толпа» [12].

Теория стихийных объединений разрабатывалась Тардом в пределах парадигмы «психологического контагия» (от лат. *contagion* — зараза, инфекция) [7; 14], сосредоточенной на описании активности толпы как иррациональной, бессознательной и деструктивной. Она воспринималась, с одной стороны, как явная угроза привычному миропорядку, а с другой — в качестве несомненной опасности для личности, способной нивелировать индивидуальные различия и подтолкнуть чуть ли не каждого к экстремальным действиям. Предполагалось, что толпа становилась такой вследствие трех процессов — заражения, подражания и внушения, однако специфика их сочетания и сущность каждого понимались исследователями по-разному. Например, для Г. Тарда [12] особое значение приобретало подражание, явление «гипнотического порядка», а взаимное заражение намерениями, идеями и чувствами рассматривалось как следствие. Для его современника Г. Лебона [9], напротив, подражание было не более чем проявлением заражения, «феномена гипнотического», которое, в свою очередь, считалось продуктом восприимчивости к внушению. Г. Тард, Г. Лебон и их многочисленные последователи не смогли в необходимой мере определить социальные предпосылки, ситуативные условия и личностные детерминанты актуализации этих процессов, что привело к угасанию данной объяснительной парадигмы в середине XX века. Тем не менее она оказала заметное влияние на исследование стихийных объединений представителями Чикагской социологической школы, сыграла свою

роль в становлении теории деиндивидуализации в социальной психологии, а также способствовала изучению масс в классическом психоанализе [16; 17].

Современные ученые обвиняют приверженцев «психологического контагия» в патологизации толпы, осуществленной главным образом посредством приема искусственной деконтекстуализации, рассмотрения ее исключительно «здесь и теперь», вне социального, ситуативного и идеологического контекстов масштабного межгруппового конфликта ([15; 18; 19] и др.). Однако, несмотря на очевидную пристрастность трактовок и упрощенность интерпретаций, очередные переиздания работ исследователей толпы более чем столетней давности находят все новых читателей².

Это заставляет задуматься о том, что актуальность³ социальной теории имеет как минимум два измерения — научное и общественное. Первое осуществляется представителями научного сообщества, специалистами, оценивающими ее объяснительный и прогностический потенциал при сопоставлении с конкурирующими теориями, а также посредством процедур эмпирической верификации. Второе измерение производится общественностью, той или иной ее частью, заинтересованной в получении простых, понятных, пусть и не исчерпывающих ответов, соответствующих критерию здравого смысла на фоне не всегда систематизированных представлений о мироустройстве. При этом вторые склонны в целом доверять авторитетным суждениям первых, однако могут попросту не знать о них в силу различий в источниках получаемой информации или считать их нерелевантными контексту лично значимых проблемных ситуаций.

Иначе говоря, доминирующие в настоящее время научные представления о стихийных объединениях, сформулированные на основе

² Согласно электронному каталогу РГБ, труды по проблематике толпы Г. Тарда переиздавались за постсоветский период не менее пяти раз, а Г. Лебона — не менее 15 раз.

³ Здесь и далее под этим понятием подразумевается не актуальность темы исследования, необходимость ее изучения на данном этапе, а востребованность теории, обусловленная ее объяснительными и прогностическими возможностями.

социально-когнитивных теорий идентичности и самокатегоризации ([15; 18– 20] и др.), не способны предоставить приемлемых для заинтересованных лиц ответов на вопросы, как не попасть под влияние толпы, как не стать ее жертвой, каким образом управляют толпой, какие процессы в ней происходят. И тогда для нее оказываются более актуальными давно вроде бы отвергнутые наукой теории стихийных объединений конца XIX века.

Проблема в том, что современные исследователи толпы осведомлены о научной неактуальности этих теорий, но не имеют представления об их возможной общественной актуальности. Насколько нам известно, эмпирическое изучение данного аспекта актуальности теорий стихийных объединений до сих пор не осуществлялось. Более того, при оценке значимости тех или иных социальных теорий ученые сегодня вообще не принимают в расчет различий между их научной и общественной актуальностью.

Объектом нашего исследования стала общественная актуальность теорий толпы, разработанных в парадигме «психологического контагия». *Предметом* исследования явилось восприятие современными студентами ключевых положений теории толпы Г. Тарда. *Цель исследования* — определение возможной общественной актуальности данной теории посредством выявления совокупности авторских тезисов, вызывающих со стороны респондентов множественные реакции согласия, уточнения и критики. *Гипотеза:* характеристики общественной актуальности теории толпы Г. Тарда могут быть установлены методом экспертного опроса, в котором респондентами являются не признанные специалисты в сфере психологии стихийных объединений, а представители образованной общественности, обладающие в силу этого определенным референтным потенциалом для более широких слоев населения.

В качестве *метода исследования* использовался письменный экспертный опрос. Респондентами стали 33 студента (шесть юношей и 27 девушек), обучающихся на четвертом курсе бакалавриата СПбГУ по специальности «Реклама и связи с общественностью». Исследование проводилось в марте 2017 года в процессе семинарских занятий по дисциплине «Психология массовых коммуникаций». В ходе предварительной беседы было установлено, что из наследия Г. Тарда студенты изучали лишь концепцию общественного мнения (без обращения к первоисточникам). Стихийные объединения рассматривались в контексте преподавания социальной психологии в обзорном виде.

Обоснование выбора респондентов. Предпочтение выпускников вуза в качестве субъектов экспертизы общественной актуальности теории толпы Г. Тарда оправдано необходимостью изучения восприятия данной теории образованной частью публики, мнение которой в перспективе может стать авторитетным для других. Дело в том, что в сознании более широких слоев в отношении феномена толпы закрепилась другая, столь же давно отвергнутая наукой парадигма — «стадного инстинкта». В силу своей исключительной простоты

она до сих пор применяется там, где требуется наскоро подобрать оправдание для необдуманного копирования чьих-то не самых удачных действий [5]. Привлечение к исследованию выпускников психологического и социологического факультетов было сочтено нецелесообразным из-за их ожидаемой компетентности в проблематике толпы. Это помогло бы отделить общественный аспект актуальности рассматриваемой теории от научного.

Методика исследования. Студентам предлагалось в течение 90 минут ознакомиться с основным содержанием текста «Преступления толпы». В процессе работы они должны были на одной стороне стандартного листа записывать своими словами тезисы Тарда, с которыми они совершенно согласны, а на другой — тезисы, в отношении которых у них имеются уточнения или возражения, а также указать суть обнаруженных разногласий. При завершении работы следовало письменно кратко охарактеризовать общие впечатления от прочитанного материала. В устной инструкции особо оговаривались условия самостоятельности выполнения задания и необходимости проявления при этом критических способностей. Для того чтобы уменьшить влияние специфики учебной деятельности, студентов предупреждали, что оцениваться будет участие в семинаре, а не объем написанного или количество сделанных отзывов.

Стимульный материал. За основу взят текст из сборника криминологических трудов ученого, приведенный составителями к нормам современного русского языка [13]. При подготовке материала он был сокращен до размеров обычной научной статьи (32 тыс. знаков с пробелами). При этом из рассмотрения исключались следующие элементы: заключительный раздел сугубо юридического характера, малосущественные для общего понимания теории примечания, отдельные рассуждения автора, отклоняющиеся от темы повествования, а также приведенные в скобках по-французски ключевые термины и отдельные выражения. Для облегчения восприятия текста встречающиеся в нем собственные имена были переведены на русский язык.

Стимульный материал заранее загружался участниками исследования на личные смартфоны, планшетные компьютеры или ноутбуки в формате *Microsoft Word*.

Результаты исследования. Всего зарегистрировано 404 отзыва студентов в отношении составляющих теории толпы (в среднем по 12,2 отзыва на одного респондента), что свидетельствует об активности участников исследования. Из них 237 отзывов (58,7% от общего количества) представляли собой выражения согласия с отдельными положениями Г. Тарда, а 167 отзывов (41,3%) содержали уточнения или критические замечания (однозначным образом отличить уточнения от критики во многих случаях не представлялось возможным). Общие впечатления от теории, сформулированные участниками работы на заключительном этапе, при этом не учитывались.

В табл. 1 приведено десять тезисов Г. Тарда, с правомочностью которых согласилось значительное число участников исследования. Однако

Тезисы Г. Тарда, одобренные наибольшим количеством респондентов

Отдельные положения теории толпы Г. Тарда (в пересказе)	Число выражений согласия	Число уточняющих и критических отзывов
Общая вера, общая страсть, общая цель — такова жизненная основа толпы	18	4
По своим свойствам социальное объединение не является суммой составляющих его индивидов	16	0
Коллективная преступность отличается особой жестокостью	14	2
В нравственном и умственном отношении индивиды в толпе значительно уступают тем же индивидам вне ее	13	1
В толпе нет сомнений, колебаний и полуверований, она характеризуется догматизмом и страстностью	12	1
Для распространения волны народного движения необходима предварительная подготовка умов	12	1
Смелость, страх, ненависть и надежда отличаются особенной заразительностью	11	0
Толпа нетерпима и жестока к тем, кто пытается выразить несогласие с ней	11	2
Люди в толпе готовы видеть в тех, кто остался вне ее, чужаков или врагов	10	12
Индивидуальные мнения усиливаются в толпе до убеждений и верований, желания — до страсти	9	2

выражение согласия не всегда было единодушным. В правом столбце таблицы по каждому тезису указано количество зарегистрированных отзывов уточняющего и критического характера.

Следует заметить, что наибольшее согласие вызвали тезисы Г. Тарда, относящиеся к изменениям личности в толпе и к тем или иным свойствам толпы. Для сравнения укажем, что фразу «честный и нравственный человек сумеет устоять перед пагубным влиянием толпы» одобрили только четверо из участников исследования, с высказыванием «сила воли вожака важнее его прочих характеристик» согласились также четыре респондента, тезис «источником подражательности является симпатия» поддержали трое, уточнение «подражательность вожаку имеет в толпе не взаимный, а односторонний характер» выделили два человека, суждение «в школе обычно верховодят не отличники, а бунтари и лентяи» разделили тоже двое.

Комментируя уточняющие и критические отзывы в отношении тезисов, приведенных в табл. 1, отметим, что фраза «люди в толпе готовы видеть в тех, кто остался вне ее, чужаков или врагов» вызвала наибольшее число нареканий. Многие респонденты справедливо указали, что частная характеристика выдана за общую: стихийные объединения существенно различаются между собой, далеко не все из них испытывают к кому бы то ни было враждебные чувства. Заметное число возражений зарегистрировано и по тезису про общую веру, страсть и цель толпы. Критики, возможно, под влиянием остаточных знаний по социальной психологии, сослались на то, что ясное осознания общей цели далеко не всегда характерно для членов стихийного объединения.

В табл. 2 приведено десять тезисов Г. Тарда, вызвавших значительное число критических и уточняющих отзывов. В правом столбце таблицы для сравнения указано количество выражений согласия и одобрения с каждым из этих тезисов.

Стоит обратить внимание на то, что из числа тезисов, вызвавших наибольшее количество возражений, лишь часть оказалась непосредственно связана со свойствами толпы и процессами изменения личности в ней. Причем в отношении этих тезисов уточнения и дополнения респондентов заметно преобладали над опровержениями. Например, высказывание Г. Тарда о робости толпы при встрече с вооруженной силой студенты не отвергали, а дополняли указаниями на конкретные случаи самопожертвования толпы, возможное наличие в ней особо конфликтных групп, значение сильных эмоций. Точно так же респонденты проявляли склонность в целом соглашаться с регрессивным характером толпы в деле социальной эволюции, уточняя, что иногда она может служить достижению общественного равновесия или даже обеспечению прогресса.

Категоричные возражения чаще сопровождали тезисы, не имевшие прямого отношения к свойствам самой толпы и изменениям личности в ней — о специфике вожаков, чрезвычайной заразительности зрелища убийства, неизменном превосходстве индивидуального ума над любым коллективным, роли женщин в активности толпы, а также о сравнении толпы с женщиной.

Обсуждение результатов. Есть основания полагать, что ряд замечаний был обусловлен несоответствием высказываний Г. Тарда информации, усвоенной в ходе обучения. Вряд ли случайно при опровержении тезиса о превосходстве индивидуального ума над коллективным восемь из 15 респондентов сослались на процедуру «мозгового штурма». Видимо, по той же причине шесть студентов из 13 предпочли заменить выражение с негативной коннотацией «подонки общества» на нейтральное и более привычное «харизматические лидеры». Значительное число возражений как против тезиса, уподобляющего толпу женщине, так и против того, в котором апеллируется к силе женского обаяния,

Тезисы Г. Тарда, по мнению наибольшего количества респондентов, требующие уточнений или опровержений

Отдельные положения теории толпы Г. Тарда (в пересказе)	Число уточняющих и критических отзывов	Число выражений согласия
Никогда коллективный ум собрания не сравнится даже с самым посредственным индивидуальным умом	15	0
Многих людей в толпе отличает стремление привлекать внимание окружающих, выделяться на фоне других	14	6
Народные массы увлекаются не сливками общества, а его подонками	13	1
Зрелище убийства гораздо заразительнее зрелища полового акта	12	3
Люди в толпе готовы видеть в тех, кто остался вне ее, чужаков или врагов	12	10
При виде вооруженной силы толпа робеет, при первых выстрелах — разбегается	11	1
Честный и нравственный человек сумеет устоять перед пагубным влиянием толпы	10	4
Подобно женщине толпа склонна к самым странным и часто бессознательным противоречиям	8	0
Сила обаяния женщин способна увеличить влияние толпы на своих членов	6	0
Толпа всегда является несомненным шагом назад в социальной эволюции	6	6

резонно объяснить диспропорцией гендерного состава группы респондентов. Показательно, что в шести критических замечаниях к данным тезисам использовалось определение «сексизм». При этом ни одно из них не принадлежало юношам. Однако иных столь же явных признаков влияния специфики группы респондентов на их суждения нами обнаружено не было.

Интересно, что некоторые комментарии участников нашего исследования почти буквально повторяли незнакомые им критические отзывы исследователей, высказанные в адрес Г. Тарда и его последователей еще в конце XIX — начале XX века. Приведем несколько показательных примеров. Обращаясь к рассуждению о том, что даже у муравьев чрезмерная скученность приводит к увеличению «самолюбия», «сознания собственного достоинства» и особой «храбрости», Полина В. совершенно в духе В. А. Вагнера [3] восклицает: «Самолюбие и храбрость? Это у муравьев-то?! Это антропоморфизм...». Осуждая фактическое смешение автором «преступной толпы» и «преступной шайки», Маргарита М. чуть ли не словами Н. К. Михайловского [10] отмечает, что у последней есть заранее составленный план, сложившаяся иерархия, распределение ролей, свой кодекс — все то, чего лишена толпа. «Если толпой называть чуть ли не любое сообщество или организацию, как [это] делает Тард, получится сплошная путаница», — практически цитирует «Коллективную рефлексологию» В. М. Бехтерева [2] Виктория Н. Комментируя предлагаемый автором перечень характеристик толпы, Екатерина П. в русле неизвестного ей подхода Д. Д. Безсонова [1] утверждает, что это свойства не стихийного объединения, а тех людей, которые составляют его. «Тард что-то, в принципе, и так понятное объясняет через другое, совсем непонятное, даже для него туманное», — пишет почти по П. Ф. Каптереву [8] Алиса Г. о влиянии

вожаков и гипнотизме. «Преступный характер толпа имеет не из-за своей природы, а от настроений, зависящих от сложившихся социальных обстоятельств», — на свой лад повторяет Кристина В. мысль, высказанную когда-то И. И. Добровольским [6]. «Не вожакам подражает толпа, а самой себе, воплощенной в вожаках», — вносит поправку в стиле Л. Н. Войтоловского [4] Софья Е. Ряд совпадений суждений современных студентов и исследователей прошлого можно было бы продолжить. Однако и без этого становится понятно, что совпадения элементов общественной актуальности с научной могут наблюдаться только там, где последняя основана на здравом смысле и логике, а не на когнитивных конструктах высокого уровня обобщения.

В отличие от профессиональных ученых, участники исследования охотно ссылались на собственный опыт и личностные диспозиции: «Убийство заразительнее всего? Не для меня!» (Янина М.), «Исходя из личных наблюдений за протестующими в последние годы...» (Андрей Т.), «Мой жизненный опыт не позволяет согласиться...» (Артемий Ш.), «Никогда такого не видела...» (Алина Б.) и проч. Таким образом, можно говорить о том, что общественная актуальность является по своей сути субъективным образованием.

Формулируя свои впечатления от анализируемой теории, студенты подчеркивали, что определенная часть идей Тарда устарела. При этом, по нашему мнению, проявилось еще одно отличие общественной актуальности от научной. Если последняя связывает устаревание какой-либо теории с появлением других, конкурирующих, обладающих доказанными преимуществами при объяснении и прогнозировании социальных событий, то общественная актуальность не предполагает сравнения потенциала теорий между собой. Критерием устаревания здесь становится несоответствие концептуальных положений имеющимся представлениям

о мироустройстве. Респонденты писали: «Люди в толпе, может быть, и остались прежними, но их ценности и социальные ориентиры стали другими. Это не может не влиять на поведение толпы» (Влада З.), «Механика формирования толпы сохранилась, но изменились ее характер, состав и мотивы» (Андрей Т.), «Толпа имеет отпечаток эпохи, надо учитывать развитие общества и технологий» (Маргарита М.), «Для нашего времени слишком радикально, теперь склонность не к убийству, а к разрушению» (Даниил Ч.), «Тогда было так, да и то, конечно, не всегда. Нынешние толпы нарушают общественный порядок, но не убивают и никого не грабят» (Алиса Г.), «Вряд ли из-за урбанизации настолько важны различия сельских и городских толп» (Полина В.).

Несколько существенных замечаний высказали респонденты в отношении методологических ошибок Г. Тарда. В частности, была отмечена взаимная противоречивость некоторых тезисов, являющаяся следствием поспешных и некорректных обобщений: «Толпа не может сочувствовать? А как же описания проявлений жалости к своим жертвам?» (Давид С.), «Мотив сиюминутно блистать на фоне окружающих не сочетается с основной чертой — подавления [в толпе] всего индивидуального» (Анастасия Ж.), «Если толпа абсолютно не терпит возражений, тогда тот, кто заступился за фермера, был бы попросту повешен рядом с ним» (Янина М.). Восемь человек признали недопустимым распространение свойств конкретных стихийных объединений, действующих в определенных условиях, на характеристику феномена в целом; семь респондентов не согласились с тенденцией неоправданной генерализации толпы, выражающейся в перенесении ее свойств на иные типы социальных объединений (парламенты, суды присяжных, конгрессы ученых и т. п.), как минимум пятеро обозначили неприятие Г. Тардом социальных перемен во Франции конца XIX века в качестве возможной причины предвзятости в негативной трактовке толпы.

Следует отметить, что не все составляющие анализируемой теории заслужили одобрение респондентов. Так, большинству студентов не показались убедительными воззрения Г. Тарда на вожаков толпы, «фанатиков и злодеев», способных вызвать эффект массового подражания в силу присущего им «обаяния», «престижа» и действующих вне какой-либо «обратной связи» от ведомых. Данная совокупность тезисов в сумме получила только 13 выражений согласия и 32 замечания, среди которых число явно критических отзывов почти сравнялось с количеством уточнений. Добавим, что суждения автора в отношении феномена подражания, его проявлений и видов не вызвали к себе особого интереса. Об этом можно судить на основании лишь трех зарегистрированных положительных отзывов и пяти уточняющих.

В противоположность этому внимание респондентов к двум составляющим теории Г. Тарда — свойствам толпы и процессам изменения личности в ней — представляется несомненным. Из 237 положительных отзывов только напрямую

к тем или иным свойствам толпы относятся 124 (52,3%), а к изменениям личности — 56 (23,6%). Значительно и количество по этим составляющим теории уточнений, дополнений и опровержений: из 167 отзывов такого рода 72 (43%) связаны со свойствами толпы, а 44 (26,3%) — с изменениями личности в ней.

По нашему мнению, в этом проявляется еще одно отличие общественной актуальности от научной. По замечанию К. Макфейла [17], подлинно актуальная теория не может быть «теорией редких событий», она должна охватывать релевантные феномены во всей полноте и в любой степени выраженности. В своих комментариях участники нашего исследования зачастую подчеркивали, что описание Г. Тардом толпы исключительно мрачными красками пристрастно и однобоко, а процессы изменения личности в ней далеко не всегда столь масштабны, как это определял французский ученый в конце XIX века. Однако опасность стать жертвой толпы в той или иной ипостаси — как объекта общей агрессии или, после произошедших личностных изменений, как ее активного субъекта — представлялась респондентам маловероятной, но реальной. Этим и обусловлен их интерес к упомянутому составляющим. Таким образом, «теория редких событий» в том случае, если она связана с проблематикой личной безопасности, может сохранять значительную общественную актуальность.

Общие выводы:

1. В ходе применения метода письменного экспертного опроса по ключевым составляющим теории толпы Г. Тарда была выявлена совокупность авторских тезисов, вызывающих у респондентов множественные реакции согласия, уточнения и критики

2. Студенты выпускного курса бакалавриата СПбГУ, выступавшие в качестве респондентов, выдвинули существенные методологические просчеты Г. Тарда. В частности, они указали на некорректность обобщений, приводящую к противоречиям в описаниях толпы и личности в ней; недопустимость переноса свойств конкретных толп на стихийные группы в целом, а также на социальные образования иного типа; связали предвзятость автора при интерпретации толпы с личным неприятием происходящих в то время социальных изменений.

3. Наибольшее внимание со стороны респондентов вызвали две составляющие теории Г. Тарда — перечень негативных свойств стихийных объединений и процессы выраженного влияния толпы на личность своих членов. Данная часть результатов исследования может быть интерпретирована как показатель общественной актуальности анализируемой теории.

4. Представляется перспективным противопоставление двух аспектов актуальности социальной теории — научной и общественной. При этом авторами постулируется, что научная актуальность теории определяется специалистами посредством сопоставления с конкурирующими концепциями, а также путем эмпирической верификации. В противоположность этому общественная актуальность оценивается представителями заинтересованной

публики по степени соответствия концептуальных положений здравому смыслу, основывающемуся на несистематизированных представлениях о мироустройстве. Она не содержит когнитивных конструктов высокого уровня обобщения, подкрепляется собственным опытом и субъективным мнением авторитетных лиц, может охватывать редко встречающиеся феномены в том случае, если последние представляют потенциальную угрозу;

5. В статье констатируется, что теория толпы Г. Тарда утратила научную актуальность в связи с дальнейшим развитием социально-психологического знания, однако во многом сохранила актуальность общественную, так как по-прежнему способна предоставить заинтересованным лицам совокупность простых, но неточных сведений о психологической природе и особой опасности стихийных социальных объединений.

1. Безсонов Д. Д. Массовые преступления в общем и военно-уголовном праве: Диссертация. СПб.: Типо-лит. К. Л. Пентковского, 1907. 480 с.
2. Бехтерев В. М. Коллективная рефлексология. Пг.: Колос, 1921. 432 с.
3. Вагнер В. А. Биология и психология толпы // Образование. 1905. №9. С. 143–184.
4. Войтоловский Л. Н. Роль чувства в коллективной психологии (опыт психофизиологического исследования толпы). Киев: Лито-тип. т-ва И. Н. Кушнерев и К0, 1904. 47 с.
5. Горбатов Д. С., Большаков С. Н. Психология толпы: теории стадного инстинкта начала XX века // Психологический журнал. 2017. Т. 38, №1. С. 98–106.
6. Д-ов И. (Добровольский И. И.) Психология «преступной» толпы // Русская мысль. 1894. №12. С. 130–158.
7. Кандинский В. Х. Общепонятные психологические этюды. М.: Тип. А. И. Мамонтова, 1881. 235 с.
8. Каптерев П. Ф. О подражательности в психологическом и педагогическом отношениях // Образование. 1893. №7–8. С. 1–41.
9. Лебон Г. Психология масс // Психология народов и масс. СПб.: изд. Ф. Павленкова, 1896. С. 149–329.
10. Михайловский Н. К. Еще о толпе // Сочинения в 6 т. Т. 2. СПб.: Русское богатство, 1896. С. 404–466.
11. Тард Г. Преступления толпы. Казань: Типо-лит. Императ. ун-та, 1893. 44 с.
12. Тард Г. Общественное мнение и толпа. М.: Тов-во А. И. Мамонтова, 1902. 202 с.
13. Тард Г. Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступления толпы / сост. и предисл. В. С. Овчинского. М.: ИНФРА-М, 2009. 391 с.
14. Aubry P. La contagion du meurtre. Étude d'anthropologie criminelle. Paris: Félix Alcan, 1888. 184 p. (In French).
15. Drury J., Stott C. Contextualising the crowd in contemporary social science. *Contemporary Social Science*, 2011, 6 (3), pp. 275–288. doi: 10.1080/21582041.2011.625626.
16. McClelland J. S. The crowd and the mob: From Plato to Canetti. London: Unwin Hyman, 1989. 356 p.
17. McPhail C. The myth of the madding crowd. New York: Aldine de Gruyter, 1991. 265 p.
18. Reicher S. The psychology of crowd dynamics. In: Hogg M. A., Tindale R. S. (eds.). *Blackwell handbook of social psychology: Group processes*. Oxford: Blackwell, 2001, pp. 182–208.
19. Spears R., Postmes T. Group identity, social influence and collective action online: Extensions and applications of the SIDE model. In: Sundar S. S. (ed.). *The handbook of psychology of communication technology*. Oxford: Blackwell, 2015, pp. 23–46.
20. Stott C., Drury J. Contemporary understanding of riots: Classical crowd psychology, ideology and the social identity approach. *Public Understanding of Science*, 2016, 26 (1), pp. 2–14. doi: 10.1177/0963662516639872.

References

1. Bezsonov D. D. *Massovyye prestupleniya v obshchem i voyenno-ugolovnom prave* [Mass crimes in common and military criminal law]. St. Petersburg: Tipo-litografiya K. L. Pentkovskogo Publ., 1907. 480 p. (In Russian).
2. Bekhterev V. M. *Collective reflexology: The complete edition*. New Jersey: Transaction Publishers, 2001. 534 p.
3. Vagner V. A. *Biologiya i psikhologiya tolpy* [Biology and psychology of the crowd]. *Obrazovaniye — Education*, 1905, (9), pp. 143–184 (in Russian).
4. Voytolovskiy L. N. *Rol chustva v kollektivnoy psikhologii (opyt psikho-fiziologicheskogo issledovaniya tolpy)* [The role of feeling in collective psychology (the experience of a psychophysiological study of the crowd)]. Kiev: Lito-tipografiya I. N. Kushnerev i K Publ., 1904. 47 p. (In Russian).
5. Gorbatov D. S., Bolshakov S. N. *Psikhologiya tolpy: teoriya stadnogo instinkta nachala XX veka* [Psychology of crowd: Theories of herd instinct at the beginning of the XX century]. *Psikhologicheskii zhurnal — Psychological Journal*, 2017, 38 (1), pp. 98–106 (in Russian).
6. Dobrovolskiy I. I. *Psikhologiya «prestupnoy» tolpy* [Psychology of the «criminal» crowd]. *Russkaya mysl — The Russian Thought*, 1894, (12), pp. 130–158 (in Russian).
7. Kandinskiy V. Kh. *Obshcheponyatnyye psikhologicheskiye etyudy* [Comprehensible psychological etudes]. Moscow: tipografiya A. I. Mamontova Publ., 1881. 235 p. (In Russian).
8. Kapterev P. F. *O podrazhatel'nosti v psikhologicheskom i pedagogicheskom otnosheniyakh* [On imitation in psychological and pedagogical senses]. *Obrazovaniye — Education*, 1893, (7–8), pp. 1–41 (in Russian).
9. Le Bon G. *Psychologie des foules (1895)*. Paris: Félix Alcan, 1905. 130 p. (In French). (Rus. ed.: Le Bon G. *Psikhologiya mass* [Psychology of the masses]. In: *Psikhologiya narodov i mass* [Psychology of peoples and masses]. St. Petersburg: F. Pavlenkov Publ., 1896, pp. 149–329).

10. Mikhaylovskiy N.K. Yeshche o tolpe [More about the crowd]. In: *Sochineniya v 6-ti tomakh* [Essays in 6 volumes]. St. Petersburg: Russkoye bogatstvo Publ., 1896, pp. 404–466 (in Russian).
11. Tarde G. *Les crimes des foules (extrait du Troisième Congrès International d'Anthropologie criminelle, 1892)* (in French). Available at: <https://www.cairn.info/revue-hermes-la-revue-1989-2-page-95.htm> (accessed 10.03.2018). (Rus. ed.: Tarde G. *Prestupleniya tolpy* [Crimes of the crowd]. Kazan: tipo-litografiya Imperatorskogo universiteta Publ., 1893. 44 p.).
12. Tarde G. *L'opinion et la folie*. Paris: Les Presses universitaires de France, 1989. 184 p. (In French). (Rus. ed.: Tarde G. *Obshchestvennoye mneniye i tolpa* [Public opinion and the crowd]. Moscow: tov-vo A.I. Mamontova Publ., 1902. 202 p.).
13. Tarde G. *Prestupnik i prestupleniye. Sravnitel'naya prestupnost. Prestupleniya tolpy* [A criminal and the crime. Comparative criminality. Crimes of the crowd]. Moscow: Infra-M Publ., 2009. 391 p.
14. Aubry P. *La contagion du meurtre. Étude d'anthropologie criminelle*. Paris: Félix Alcan, 1888. 184 p. (In French).
15. Drury J., Stott C. Contextualising the crowd in contemporary social science. *Contemporary Social Science*, 2011, 6 (3), pp. 275–288. doi: 10.1080/21582041.2011.625626.
16. McClelland J.S. *The crowd and the mob: From Plato to Canetti*. London: Unwin Hyman, 1989. 356 p.
17. McPhail C. *The myth of the madding crowd*. New York: Aldine de Gruyter, 1991. 265 p.
18. Reicher S. The psychology of crowd dynamics. In: Hogg M.A., Tindale R.S. (eds.). *Blackwell handbook of social psychology: Group processes*. Oxford: Blackwell, 2001, pp. 182–208.
19. Spears R., Postmes T. Group identity, social influence and collective action online: Extensions and applications of the SIDE model. In: Sundar S.S. (ed.). *The handbook of psychology of communication technology*. Oxford: Blackwell, 2015, pp. 23–46.
20. Stott C., Drury J. Contemporary understanding of riots: Classical crowd psychology, ideology and the social identity approach. *Public Understanding of Science*, 2016, 26 (1), pp. 2–14. doi: 10.1177/0963662516639872.